

Метод и способ правового регулирования: проблемы понимания и разграничения в контексте дозволительной сущности гражданского права

Р. М. Ушаков

студент Института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии.
Адрес: ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1.
E-mail: rafikov.ruslan@list.ru

Method and Way of Legal Regulation: Problems of Understanding and Differentiation in the Context of the Permissible Essence of Civil Law

R. M. Ushakov

Student of the Institute of Prosecutions of the Saratov State Academy of Law.
Address: Saratov State Academy of Law,
1 Volskaya Street, Saratov, 410056, Russian Federation.
E-mail: rafikov.ruslan@list.ru

Аннотация

В статье исследуются вопросы соотношения категорий метода и способа правового регулирования в измерении гражданского права. На основе анализа положений законодательства и правовой доктрины автор приходит к выводу, что представление об унифицированном методе правового регулирования, не учитывающего специфику конкретных отраслей права, и его отождествление с категорией способа правового регулирования являются контрпродуктивными. Приоритетное значение принадлежит не способу, а методу правового регулирования, который выступает признаком разграничения целых отраслей права, отражает их сущность и определяет вектор развития. Обосновывается, что в силу дозволительного характера гражданского права, системообразующей роли управомочивающих норм в его структуре и содержании гражданско-правовой метод должен пониматься дифференцированно как совокупность способов правового регулирования (дозволения, запрета и обязывания), определенная комбинация которых (но при первенстве дозволения) проявляет специфику функционирования метода координации, направленного на установление и гарантию юридического равенства участников гражданских правоотношений и обеспечение автономии их воли.

Ключевые слова: диспозитивность, дозволительный способ правового регулирования, дозволение, запрет, обязывание, гражданское правоотношение, гражданский оборот.

Abstract

The article examines the correlation between the categories of the method and the way of legal regulation in the measurement of civil law. Based on an analysis of the provisions of legislation and legal doctrine, the author concludes that the idea of a unified method of legal regulation that does not take into account the specifics of specific branches of law and its identification with the category of the way of legal regulation are counterproductive. The priority value belongs not to the way, but to the method of legal regulation, which is a sign of the delimitation of entire branches of law, reflects their essence and determines the vector of development. It is substantiated that, due to the permissible nature of civil law, the system-forming role of the authorizing norms in its structure and content, the civil legal method should be understood differentially as a set of legal regulation way (authorization, prohibition and obligation), a different combination of which (but with the primacy of permission) reflects the specifics of the functioning of the coordination method aimed at establishing and guaranteeing the legal equality of participants in civil relations and ensuring independent value of their will. It is argued that overcoming a number of particular problems requires further study of authorization as a key civilistic way of legal regulation, followed by its normative consolidation as a starting point of civil law.

Keywords: dispositive method of legal regulation, way of legal regulation, permissible way of legal regulation, permission, prohibition, obligation, civil exchange.

Коренные изменения общественного устройства России, произошедшие на рубеже веков и приведшие к свертыванию социалистического типа государства и права, обусловили глубокое изменение сложившейся научной парадигмы. Господствующие в юридической теории и практике представления, касающиеся сущности и содержания используемых методов, способов и средств правового регулирования общественных отношений, претерпели качественную трансформацию в векторе предоставления субъектам права (индивидам и их объединениям) больших возможностей для реализации собственных интересов.

Ключевую роль в организации правовой жизни стало играть дозволение, а запреты и обязанности как правовые формы общественных отношений утратили то первоочередное юридическое значение, которое им придавалось в рамках социалистической правовой системы. В нормативно-правовом материале данное обстоятельство нашло отражение в Конституции Российской Федерации 1993 г., в положениях которой, в отличие от предшествующих ей Конституций СССР, отражающих принципы социалистического коллективизма, закреплена глава, посвященная правам и свободам человека и гражданина (но не обязанностям, как ранее), являющимся высшей ценностью современного общества и государства [10. – С. 13], а общее количество конституционно зафиксированных обязанностей существенно сокращено. Данное решение законодателя, последствия которого подвергаются осмыслению в существующей теории права, закономерно следует из логики развития либеральной демократии, а потому очевидно, что дозволение, разновидностями которого являются права, свободы и законные интересы, – основной способ правового регулирования в России XXI в.

Наметившиеся тенденции по ускорению процессов автоматизации, цифровизации и роботизации во всех сферах общественных отношений обуславливают увеличение темпов дематериализации гражданского оборота [6] и вызывают необходимость развития научно обоснованного правового регулирования, основанного на учете достижений не только юридических, но и технических наук, их гармоничном синтезе в рамках определенной правовой концепции. Полагаем, что в настоящее время в условиях масштабного реформирования гражданского законодатель-

ства¹, наиболее концентрированно выражающего свободу индивидов действовать в соответствии со своей волей и своими интересами, исследование юридических аспектов дозволения как цивилистического явления приобретает особо востребованный и актуальный характер. Правильное понимание, а также нормативное закрепление (определение в качестве исходного положения гражданского права в ст. 1 ГК РФ) и применение частноправовых дозволений, выступающих правовой формой типичных, желаемых имущественных, личных неимущественных и корпоративных отношений, составляющих предмет гражданского права, является одной из составных частей устойчивого развития имущественного оборота и в конечном итоге процветания общества.

Если рассматривать существующую терминологию, то следует заключить, что термин «дозволение» в редких случаях в качестве альтернативы более распространенному аналогу используется как в общеупотребительной лексике (по словарю Д. Н. Ушакова, содержание понятия дозволения можно вывести от глагола «дозволить», который рассматривается как синоним слова «позволить» [25. – С. 122]), так и в научном юридическом понятийном аппарате как синоним слова «позволение» [9. – С. 100]. В последнем случае анализируемое явление понимается И. А. Ильиным как «правовое позволение», которое содержит ограниченную, но защищенную законом определенную для субъекта права свободу действия (сферу правовой свободы), в рамках которой он, при условии использования допустимых средств и способов, может действовать полностью правомерно – нарушать ее (границы данной сферы) иным лицам запрещено. Отметим, что данная интерпретация, на наш взгляд, в целом весьма точно отражает существенные признаки анализируемого явления.

В теоретико-правовой доктрине утвердилось мнение, что в самом общем виде сущность дозволения заключается в предоставлении лицам права на свои собственные активные действия [3. – С. 255], свободы в выборе варианта собственного поведения [8. – С. 34]. В качестве ключ-

¹ См.: Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г.) // Вестник Высшего Арбитражного суда Российской Федерации. – 2009. – № 11.

чего признака, присущего правовому дозволению, следует обозначить исходный – нормативную закрепленность. Дозволения, являясь правовой формой общественных отношений, опосредуются в нормативно-правовых актах, т. е. приобретают юридическое значение лишь при соответствующей фиксации в рамках нормы права. Дозволение – исходная, отправная точка для деятельности субъекта права, который творит свою судьбу, реализуя субъективные права, закрепленные в законодательстве. Именно закон является адекватной формой, позволяющей четко обозначить границы дозволенного поведения. В свою очередь выход за их пределы является нарушением правовых предписаний, что влечет юридическую ответственность (например, при злоупотреблении правом). Отметим, что ключевую роль в данном случае играет запретительный способ правового регулирования, позволяющий точно отсеять, исключить социально вредное, нежелательное поведение.

Воля, опосредованная в дозволениях, нуждается в нормативном закреплении, достигаемом посредством процесса правотворчества, а также воплощения в жизнь путем правореализации и правоприменения как форм правовой деятельности. Следует констатировать, что наиболее оптимальной формой ее внешнего выражения выступает закон как элемент проявления основополагающего принципа права – принципа законности, позволяющего системно упорядочить весь спектр правовых явлений в нормативной форме и обеспечить их реализацию. При этом в рамках гражданского права, децентрализованного по своей сущности, определяющую роль в процессе правового регулирования играют сделки как частно-автономные регуляторы.

Как следует из содержания статьи 1 Конституции РФ 1993 г.¹, современное российское государство поставило целью дальнейшего своего развития построение правового государства. По существу, данный конституционный принцип – это программный тезис, выступающий деклара-

цией намерений общества и государства, а не бытие, поскольку правовое государство – юридическая модель идеальных общественных отношений (ее содержание – самообязывание и самосвязывание нормами), которую в современных условиях российской действительности нельзя реализовать в полной мере в силу объективных обстоятельств. Тем не менее очевидно, что в рамках целенаправленной правовой политики следует неуклонно ориентироваться на данный идеал и двигаться к его достижению.

По мнению Г. Кельзена, законность означает господство, верховенство права, т. е. точное и неуклонное действие норм в пространстве, во времени, по кругу лиц, реализуемое в строгом соответствии с их юридической силой в рамках определенной ступенчатой иерархии системы источников права, на вершине которой находится Основной Закон – Конституция, а ступенью ниже – созданные на ее основе общие нормы, составляющие законодательство [11. – С. 278–287], которое в качестве одной из форм права занимает особое место в правовом регулировании, имманентно заключая в себе ряд свойств. Режим законности предполагает реальное обеспечение основных прав и свобод человека как основных разновидностей дозволения, выступает гарантией их реализации, а также обуславливает необходимость обеспечения беспорочности и неколизии права. Законность означает равенство субъектов права перед законом и соответствие их поведения нормам права, за нарушение которых предусматривается юридическая ответственность, осуществляемая в рамках правоохранительной деятельности. Законность неразрывно связана с культурностью, поскольку очевидно, что чем выше культура общества в целом (и правовая культура как ее разновидность), тем выше сознательность и организованность людей, а следовательно, крепче и законность. Беззаконие, по существу, – это форма бескультурья, индикатор низкого правового воспитания граждан.

В этой связи необходимо констатировать, что ограничением правильного действия дозволений нередко выступает форма, в которой они выражаются, ибо зачастую недостаточная разработанность отдельных норм в гражданском законодательстве (нередкое явление – излишняя и неоправданная разнесенность их элементов (гипотезы, диспозиции, санкции) с целью сокращения объема акта, т. е. увеличения его абстрактности в ущерб казуальности) препятствует правильно-

¹ См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Российская газета. – 1993. – № 237; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

му понимаю дозволений, что является следствием как недостаточного соблюдения правил применяемой юридической техники, так и общего уровня правосознания.

В гражданском праве тенденция расширения дозволильных начал выражается, как правило, в увеличении границ свободы субъектов распоряжаться своим имуществом. Яркий пример – относительно новый для российской правовой системы институт наследственного фонда, во многом отходящий от устоев традиционно консервативной подотрасли гражданского права – наследственного права. Под нестандартным для отечественной цивилистики явлением понимается фонд, созданный во исполнение завещания гражданина, и на основе его имущества осуществляющий деятельность по управлению им в течение определенного срока или бессрочно (ч. 1 ст. 123.20-1 ГК РФ). Иными словами, наследственный фонд обладает правовым статусом самостоятельного наследника и юридического лица одновременно, что обусловлено двойственностью его правовой природы. По существу, наследодателю предоставлена возможность посредством совершения односторонней сделки – завещания – учредить самостоятельный субъект гражданского права – наследственный фонд, правоспособность которого состоит из более сложной, чем в обычных фондах, совокупности прав и обязанностей, что способствует образованию на практике множества ранее неизвестных форм и видов правоотношений. Данное обстоятельство обосновывает интерес цивилистики к дальнейшему исследованию обозначенного юридического явления.

За рубежом существует множество подходов к пониманию должного законодательного регулирования наследственных фондов. Отметим, в законодательстве ряда государств отсутствует обособленное закрепление словосочетания «наследственный фонд»: регламентация их деятельности осуществляется в общем порядке. В наиболее обобщенном виде подход зарубежного законодателя включает в себя дозволение учреждения посмертных и прижизненных наследственных фондов (а также семейных фондов) физическими и юридическими лицами единолично либо совместно [5. – С. 113], что обеспечивает высокий уровень диспозитивности данной конструкции наследственного фонда, в отличие от несколько узких признаков ее отечественной модели. Тем не менее полагаем, что прямая

непроработанная реализация подобного широкого подхода зарубежных правовых порядков к регламентации наследственных фондов в российском гражданском праве без учета особенностей последнего является недопустимым вектором развития. Наследственный фонд в данном случае утратит связь с собственной исходной правовой природой, в основе которой – смерть физического лица как юридический факт, что исключит характеристику данного фонда как наследственного.

По существу, наследственные фонды обладают рядом бесспорных достоинств. В частности, посредством создания наследственного фонда завещатель имеет возможность осуществлять финансовую поддержку близких лиц (в том числе нетрудоспособных) после своей смерти на протяжении длительного времени. При этом исключается шестимесячный срок принятия наследства и его раздел, что устраняет риски растраты капитала организации (прежде всего, принадлежащих наследодателю акций и долей в хозяйственных обществах) в результате некомпетентных действий потенциальных наследников, а также предотвращает нарушение законных интересов иных ее собственников, заинтересованных в нормальном функционировании предприятия как единого целого, без дробления его собственниками. В конечном итоге, при условии грамотного управления наследственным имуществом учреждение наследственного фонда гарантированно обеспечит доход выгодоприобретателям.

В целом, на наш взгляд, рецепция в российское гражданское законодательство подобной юридической конструкции позволяет приблизить его к современным международным стандартам наследственного права. Полагаем, что внедрение института наследственного фонда в российскую систему гражданского права – следствие активно развивающегося имущественного оборота, сопряженного с положительным расширением дозволильных начал опосредующего его гражданского законодательства.

Представляется, что диалектика связи свободы и ограничений, дозволений и запретов в наиболее полном виде выражена в основополагающем исходном начале гражданского права – принципе свободы договора (ст. 1 ГК РФ), в основе которого – юридическое обеспечение свободы воли лиц вступать в социальные взаимодействия с иными субъектами права, опосредуемые гражданским законодательством, аспектами проявления которого являются: 1) право сторон заключить

смешанный договор; 2) исключить своим соглашением действие какой-либо диспозитивной нормы в отношениях между ними; 3) право руководствоваться свободой договора не только на стадии установления отношений, но и на стадии их изменения [13. – С. 50].

Автономия воли субъектов гражданского права в условиях действия принципа свободы договора имеет внешнее проявление в сфере относительных правоотношений, прежде всего в возможности по собственному усмотрению заключать сделки, отступая от содержания диспозитивных норм, что основывается на соответствующих положениях Конституции РФ 1993 г. (ст. 8, 34, 35)¹. Принцип свободы договора отражает квинтэссенцию дозволильной природы гражданского права, выступая в качестве примера общего дозволения (общедозволильный тип правового регулирования).

Упорядочивание поведения и деятельности людей путем оказания воздействия на их сознание и волю выступает в качестве основного назначения способа правового регулирования, что конкретизируется и уточняется в его отдельных видах, каждый из которых имеет свои специальные задачи и функции. В современной и советской юридической литературе исследование ключевых способов правового регулирования – дозволильного, запретительного и обязывающего – проводится главным образом в рамках предмета общей теории права [2; 8; 24; 26]. Тем не менее наблюдается явная тенденция расширения их анализа сквозь призму специфики конкретных отраслей российского права: конституционного, гражданского, административного, налогового, бюджетного, финансового, уголовного и уголовно-процессуального права [1; 4; 12; 14; 15; 16; 20; 21].

Иными словами, тема дозволильного способа правового регулирования затрагивалась в относительно немалом количестве исследований. Однако следует заключить, что в существующей доктрине, пожалуй, отсутствуют фундаментальные комплексные исследования, посвя-

щенные дозволению как цивилистическому явлению с учетом его отраслевой специфики.

Между тем постановка проблемы требует ответа на следующие вопросы: каковы сущность, содержание и структура дозволений в гражданском праве, в чем заключаются их функции в гражданском обороте? При этом полагаем, что в имеющихся научных работах сущность дозволения как такового раскрыта весьма туманно, отдельные и при этом ключевые аспекты его природы упущены из внимания, что имеет непосредственное значение для правильного понимания и моделирования гражданско-правового регулирования. Обозначенные аспекты, на наш взгляд, определяют направления для дальнейшего научного поиска, осуществляемого в рамках диссертационного исследования, основанного на использовании системного подхода.

Определение роли дозволений в измерении гражданского права невозможно без выяснения их места в системе способов правового регулирования (в триаде: дозволение, запрет и обязывание) и разграничения последних с категорией метода правового регулирования. По нашему мнению, в проведенных юридических исследованиях данные аспекты проанализированы достаточно глубоко, однако устойчивой единой позиции в ученом сообществе не просматривается.

В толковых словарях русского языка метод определяют, как путь, способ, прием теоретического исследования или практического осуществления чего-либо [25. – С. 297]. Большинство теоретиков согласны с тем, что под методом правового регулирования следует понимать «приемы юридического воздействия, их сочетания, характеризующие использование в данной области общественных отношений того или иного комплекса юридических средств» [3. – С. 224], либо, если несколько детальнее, – «совокупность средств, приемов и способов, с помощью которых обеспечивается регулятивное воздействие на общественные отношения для достижения юридически значимой цели»².

Следует согласиться с позицией Д. Е. Петрова, что понимание метода правового регулирования, несмотря на то что ему посвящено множество исследований, по-прежнему остается недостаточно разработанным, содержит большой ре-

¹ См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Российская газета. – 1993. – № 237; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

² Кулапов В. Л. Теория государства и права : учебник. – Саратов, 2011. – С. 328.

зерв для научного поиска [17. – С. 38], что, как справедливо им отмечается, отчетливо проявляется на уровне структурного анализа права. Поэтому категорию метода правового регулирования следует применять с учетом соответствующего деления права, т. е. дифференцировать на: «1) общий (общеправовой) метод регулирования, характеризующий регулирующее воздействие права в целом; 2) отраслевой (общеправовой) метод, раскрывающий специфику регулирования отдельной отраслью права соответствующего рода общественных отношений; 3) метод регулирования определенного вида или комплекса отношений правовым институтом; 4) метод регулирования, присущий отдельной юридической норме» [17. – С. 38].

Полагаем, данный подход позволяет упорядочить, систематизировать представления о методе правового регулирования и исключить рассмотрение его безотносительно к конкретным правовым конструкциям, либо же не допустить применения данной категории исключительно к одному из правовых образований: к праву в целом [23. – С. 52], к его отраслям, к правовым институтам [27. – С. 117], к отдельным юридическим нормам [7. – С. 79].

Сходной, во многом тождественной методу категорией является способ, под которым следует понимать порядок действий, используемых для достижения какой-либо цели [25. – С. 647]. В юридической науке под способом правового регулирования понимают основные пути или направления юридического воздействия на общественные отношения [3. – С. 225], юридически значимую информацию, содержащую позицию государства, касающуюся существующих или будущих общественных отношений (недопустимость, необходимость, желательность либо нейтральная позиция – запрет, позитивное обязывание и дозволение соответственно), обладающую свойством оказывать воздействие на поведение людей [8. – С. 10], систему правовых предписаний, фиксирующих комплекс правовых средств, приемов и процедур, с помощью которых осуществляется регулятивное воздействие¹ [26. – С. 7].

Исходя из анализа вышеперечисленных точек зрения (научных школ) следует заключить, что

понимание категории способа правового регулирования претерпело определенную эволюцию в направлении усложнения ее структуры и содержания. Таким образом, в общетеоретических исследованиях относительно вопроса соотношения метода и способа как глубоко взаимосвязанных правовых категорий существуют две прямо противоположные позиции. Одни ученые считают, что метод правового регулирования тождественен способу правового регулирования (В. Д. Соколин, В. Л. Кулапов, И. С. Хохлова), другие полагают, что своеобразие отраслей права отражается в специфике методов и способов, применяемых в соответствующей сфере правового регулирования, следовательно, – это явления не равные по своей сущности, и более того, способы понимаются как самые первичные, элементарные части правовой материи, ее «своеобразные клеточки», а «методы – это в определенном смысле производные от них инструменты» [8. – С. 19], т. е. утверждается первичность способа над методом правового регулирования.

Очевидно, что метод правового регулирования соотносится со способом правового регулирования прежде всего в сходстве форм их фиксации. Способы как составные элементы метода правового регулирования находят непосредственное выражение в нормах права (управомочивающих, обязывающих и запрещающих). Однако представляется, что позиция В. Л. Кулапова и И. С. Хохловой неоправданно расширяет понимание способа правового регулирования и приводит к известной логической ошибке – круговому определению. Действительно, способ правового регулирования, являясь частью более обширной категории – способа воздействия права, имеет собственным назначением достижение желаемого или необходимого поведения людей посредством предписания определенного образа поведения, а его специфика «характеризуется определенным соотношением входящих в его состав правовых средств и отражается в различных видах способа» [26. – С. 19]. Однако само видение, согласно которому способ правового регулирования представляет собой систему правовых предписаний, закрепляющих комплекс правовых средств, приемов и соответствующих процедур, на наш взгляд, является контрпродуктивным. Как представляется, данный подход, фактически отождествляющий содержание метода и способа правового регулирования и усложняющий структуру последнего (при этом его сторонники, как

¹ См.: Кулапов В. Л. Теория государства и права : учебник. – Саратов, 2011. – С. 330.

следует из вышесказанного, признают, что структуру метода правового регулирования образует совокупность средств и приемов), применим лишь в рамках общей теории права в качестве предельной абстракции (с соответствующей оговоркой), поскольку он не в полной мере учитывает специфики ведущего метода конкретных отраслей права и комбинации составляющих его способов правового регулирования (дозволений, запретов и обязываний) как наиболее простых регулятивных инструментов, зародившихся еще в зачатках права первобытного общества, что, соответственно, противоречит их сущности.

Вместе с тем подход К. Е. Игнатенковой и Д. Е. Петрова, как полагаем, также обнаруживает ряд противоречий при его детальном анализе. Если исходить из понимания способа правового регулирования как юридически значимой информации, то что следует понимать под ней, в чем заключается ее юридическая значимость? И, что ключевое, действительно ли способ имеет первичное значение по отношению к методу?

На наш взгляд, следует признать, что понимание способа правового регулирования как юридически значимой информации является более оптимальным применительно к специфике гражданского права, основополагающая, приоритетная роль в формах проявления метода которого принадлежит управомочивающим нормам (несмотря на то что большинство норм гражданского права – запретительные и обязывающие) [19. – С. 68], являющимся формой выражения дозволительного способа правового регулирования, сущность которого заключается в предоставлении юридически обеспеченной возможности субъектам гражданского права выбирать и определять содержание своего поведения.

Руководствуясь содержанием исходного правила гражданского права, которое, как следует из диссертации О. М. Родионовой, можно реконструировать следующим образом: «Если лицо относится к субъектам гражданского права, то оно имеет право действовать по своему усмотрению без намерения причинения вреда другим, иначе у него возникает обязанность восстановить нарушенное положение» [19. – С. 70], можно заключить, что данная возможность, предоставленная субъекту и выраженная в управомочивающих нормах, ограничена общим запретом намеренного причинения вреда другим и сопутствующей обязанностью (которая также содержит имплицитно запрет) возместить его в случае со-

вершения гражданского правонарушения (деликта), что отражает диалектическое единство дозволений, запретов и обязываний (в теории права их еще называют позитивными) [8. – С. 22] в гражданском праве.

При этом в ракурсе гражданского права метод как правило поведения наиболее общего характера является первичной по значимости категорией, ибо он задает целенаправленный курс, направления развития данной системообразующей отрасли частного права, и способам, его составляющим. Именно преимущественно в диспозитивном гражданско-правовом методе, а также в принципах (нормах-принципах), закрепленных в статье 1 ГК РФ, обозначена ключевая идея гражданского права как совокупности правовых норм: а) определяющих и опосредующих имущественные и личные неимущественные отношения; б) дозволяющих автономию воли, что проявляется в предоставлении свободы физическим и юридическим лицам действовать по собственному усмотрению (получает продолжение, детализацию во многих статьях ГК РФ), в основе которой – юридическое равенство сторон. Именно своеобразие метода гражданского права предопределяет особое соотношение правовых средств, составляющих специфику каждого конкретного способа правового регулирования, которые, в свою очередь, имеют дифференцированное значение в регулировании гражданских правоотношений.

Таким образом, способ – это действия (дозволения, запрещения, обязывания) по воплощению метода в жизнь, которые при этом являются такими проявлениями человеческой воли, которые определены в нормах права, а не конкретным лицом их совершающим. Дозволение же в свою очередь является ведущим способом правового регулирования в структуре гражданско-правового метода, выполняющим, на наш взгляд, важнейшую функцию по поддержанию стабильности гражданского оборота. Очевидно, что именно дозволительный способ правового регулирования выражает основную суть гражданско-правового метода.

Следовательно, подход, направленный на усложнение структуры способа правового регулирования, его отождествление с методом правового регулирования не может быть автоматически экстраполирован применительно к гражданскому праву, поскольку именно своеобразие диспозитивного метода гражданско-правового

регулирующего (метод – ключевой признак разграничения целых отраслей права) определяет содержание и особенности анализируемой отрасли, что не позволяет редуцировать, упрощать понимание категорий способа и метода.

Не рассматривая глубоко давнюю, непрекращающуюся дискуссию о соотношении частного и публичного начал в правовом регулировании, критериях их разграничения, следует заключить, что дозволения, включающие в себя субъективные права, свободы и законные интересы, содержатся преимущественно в нормах частного права, играют особенную роль в частнопроводном регулировании, в отличие от сферы публичного права. Изложенное обусловлено тем, что в основе специфики, в частности, гражданского права как отрасли, регулирующей имущественные и личные неимущественные отношения между формально равными субъектами права (физическими и юридическими лицами), лежит не императивный метод правового регулирования, построенный на отношениях власти и подчинения и обуславливающий централизованное регулирование, исходящее со стороны государственной власти, что составляет сущность публичного права (например, отрасли административного права), а гражданско-правовой диспозитивный (координационный) метод, находящий выражение в децентрализованном правовом регулировании [18. – С. 38–40] и основанной на этом определенной мере свободы, самостоятельности и инициативности многочисленных юридически равных субъектов права выбирать вариант своего поведения посредством применения частноавтономных ненормативных регуляторов (в форме договоров, односторонних сделок, решений собраний) [19. – С. 14]. Именно индивидам и их объединениям, способным к самоопределению в рамках гражданского права, как отмечает И. А. Покровский, «предоставляется регулирование взаимных отношений между собой. Государство не определяет этих отношений от себя и принудительно, а лишь занимает позицию органа, охраняющего то, что будет определено другими» [18. – С. 38–40]. То есть начала равенства, сама признаваемая государством возможность за лицами обладать правосубъектностью и свобода проявления их воли – прерогатива гражданского права, что облекается в правовую форму дозволений.

В целом следует резюмировать, что в юридических исследованиях все более явно обозначается

интерес ученых к анализу различных аспектов дозволистского способа правового регулирования, к расширению сферы его действия как возможному средству обеспечения заинтересованности субъектов права, повышения их инициативности и позитивной социально значимой активности, что закономерно, поскольку в настоящее время главной, системообразующей ценностью общества и государства является человек, его права и свободы. Центр тяжести в формах правового воздействия на поведение участников правоотношений сместился с запретов и обязываний как основных средств ранее функционировавшего социалистического механизма правового регулирования на стимулирование социально необходимого поведения иными, более мягкими путями. В данных условиях дозволистский способ правового регулирования как форма выражения свободы субъектов права занимает ведущую роль в современном механизме правового регулирования, приоритетом которого является использование средств не только и не столько ограничивающих нежелательное поведение, сколько стимулирующих социально полезный либо нейтральный, типичный вариант развития правоотношений. Внедрение правовых дозволений при разработке нормативно-правовых актов различных уровней и их использование в практике становится все более востребованным, что актуализирует проведение дальнейших исследований их содержания и форм в юридической науке.

Таким образом, обобщая вышеизложенное, следует заключить, что представление об унифицированном методе правового регулирования, не учитывающее специфику конкретных отраслей права, и его отождествление с категорией способа правового регулирования, являются контрпродуктивными. Приоритетное значение принадлежит не способу, а методу правового регулирования, который выступает признаком разграничения целых отраслей права, отражает их сущность и вектор развития. В силу дозволистского характера гражданского права, системообразующей роли управомочивающих норм в его структуре и содержании гражданско-правовой метод должен пониматься дифференцированно как совокупность способов правового регулирования (дозволения, запрета и обязывания), определенная комбинация которых (но при первенстве дозволения) проявляет специфику функционирования метода координации, направленного на установление и гарантию юридического

равенства участников гражданских правоотношений и обеспечение автономии их воли.

Полагаем, необходимо продолжить исследования дозволительного способа правового регу-

лирования в целях преодоления ряда частных проблем цивилистики, что сопряжено с его нормативным закреплением в качестве исходного положения гражданского права в статье 1 ГК РФ.

Список литературы

1. *Алаторцев А. Ю.* Правовая определенность уголовно-правового запрета : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2018.
2. *Алексеев С. С.* Общие дозволения и общие запреты в советском праве // *Собрание сочинений.* – Т. 2. – М. : Статут, 2010.
3. *Алексеев С. С.* Теория права. – 2-е изд. – М. : БЕК, 1995.
4. *Барзилов Д. С.* Дозволение как способ правового регулирования налогового администрирования в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2012.
5. *Вронская М. В.* Соотношение российских наследственных фондов со смежными зарубежными правовыми категориями // *Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.* – 2019. – № 4. – С. 108–119.
6. *Гаврилов В. Н., Рафигов Р. М.* Криптовалюта как объект гражданских прав в законодательстве России и ряда зарубежных государств // *Вестник экономики, права и социологии.* – 2019. – № 1. – С. 51–59.
7. *Горшенев В. М.* Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. – М. : Юридическая литература, 1972.
8. *Игнатенкова К. Е.* Дозволение как способ правового регулирования : дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2006.
9. *Ильин И. А.* Теория права и государства. – М. : Зерцало, 2003.
10. *Кабышев В. Т.* Конституционный диалог // *Вестник Саратовской государственной юридической академии.* – 2017. – № 5 (118). – С. 12–21.
11. *Кельзен Г.* Чистое учение о праве. – 2-е изд. / пер. с нем. М. В. Антонова и С. В. Лёзова. – СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс». 2015.
12. *Комарова Т. Е.* Функции запретов в механизме гражданско-правового регулирования : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008.
13. *Кочев В. А.* К вопросу о сущности договорной свободы. // *Юридическая наука и правоохранительная практика.* – 2010. – № 2 (12). – С. 50–54.
14. *Кривоносов Д. А.* Административные запреты в системе государственной службы Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009.
15. *Нурмагамбетов Р. Г.* Запреты и ограничения в конституционном праве : дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2006.
16. *Омелёхина Н. В.* Позитивное обяывание в финансовом праве : дис. ... д-р юрид. наук. – Новосибирск, 2015.
17. *Петров Д. Е.* Метод и способ правового регулирования: вопросы соотношения // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки.* – 2016. – № 1 (37). – С. 37–42.
18. *Покровский И. А.* Основные проблемы гражданского права. – М. : Статут, 1998.
19. *Родионова О. М.* Правовые формы реализации волевых отношений в механизме гражданско-правового регулирования : дис. ... д-р юрид. наук. – М., 2017.
20. *Савина А. В.* Дозволение как способ правового регулирования бюджетных отношений : дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2018.

21. *Слепченко Ю. Н.* Запреты в административном праве : дис. ... канд. юрид. наук. – Воронеж, 2002.
22. *Соловьев Д. Н.* Актуальные вопросы языкового выражения дозволений, запретов и предписаний в уголовно-процессуальном праве : дис. ... канд. юрид. наук. – Уфа, 2011.
23. *Сорокин В. Д.* Метод правового регулирования. Теоретические проблемы. – М. : Юридическая литература, 1976.
24. *Султыгов М. М.* Запрет как метод правового регулирования : дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1996.
25. *Ушаков Д. Н.* Толковый словарь современного русского языка. – М. : Аделант, 2014.
26. *Хохлова И. С.* Способ правового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2009.
27. *Шейндлин Б. В.* Сущность советского права. – Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1959.